Лопаткина Ульяна (балерина)

Культура. – 2005. – 24–30 нояб. – с. 9

24

Хозяин просит дорогих гостей

В.Баранов и У.Лопаткина

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Миф о балерине

Владимир Спиваков продолжает оставаться единственным московским музыкантом, которому удается одинаково успешно сочетать творческие и коммерческие проекты – играть, что душе угодно, и приглашать знаменитостей на свой фестиваль. В этом году он не просто включил в программу фестиваля вечер балетной музыки, но даже решился аккомпанировать звездам балета со своим оркестром.

Звезды собрались настоящие – Ульяна Лопаткина, Игорь Зеленский, Николай Цискаридзе. Музыка исполнялась не проходная, не было никакой балетной чепухи, вроде шлягеров Пуни и Дриго. Хореография была предложена самая изысканная – Фокин, Голейзовский, Баланчин, Ноймайер. Все говорило за то, что концерт будет отменный и сможет посоперничать с фестивалем "В честь Плисецкой" (в Большом в тот же вечер шел фестивальный "Дон Кихот" с Марией Александровой в главной роли и Майей Михайловной в Царской ложе). Однако этого не случилось.

А случилось то, что в сцене из "Ромео и Джульетты" оркестр заставил хороших артистов – Светлану Лунькину и Андриана Фадеева – смирять свой пыл в стремлении их героев друг к другу, едва не падать на полпути. А ведь только перед этим номером оркестр сыграл марш из прокофьевской оперы "Любовь к трем апельсинам" с такой филигранной проработкой деталей, что казалось: Прокофьев – это прямое попадание в тему.

Дальше – Стравинский. Идея выноса балета из Мариинского театра на площадку Дома музыки ради включения в программу "Симфонических танцев XX века", судя по результату, изначально неверная. Для концертов, очень популярного жанра в советское время, создавались специальные номера, которые ничего не теряли, даже когда их исполняли на кузове грузовиков. А когда хореограф рождение бога Аполлона окутывает сумерками, а игры бога с Музами освещает ярким солнцем, наверное, это важно. И Стравинский писал музыку не с закрытыми глазами – из-под величия мироздания выглядывала ирония. Никакой иронии на этот раз в балете не оказалось, не посмотрел дирижер, что творят на сцене длинноногие Музы – и все смазалось. Игорь Зеленский – Аполлон не был в ударе в этот вечер, но балерины были полны сил и ждали только поощрения оркестра, но тщетно. Оркестр играл музыку и делал это хорошо, но не удалось услышать ни одного специфического для этого балета акцента. Театр Баланчина рушился, как карточный домик.

Особую тоску наводила сама сцена и архитектура зала, когда оркестранты и дирижер находятся в ногах у зрителей, а артисты выходят как бы из органа, кулисы отсутствуют как таковые. Этот зал явно не предназначен для балета.

Лишь одной Ульяне Лопаткиной ничего не может помешать. Она assoluta. Анна Павлова танцевала в цирке "Умирающего лебедя" и оставалась Павловой, а про цирк история давно забыла. У такой балерины, как Лопаткина, есть репертуар на все времена. В том числе и концертные номера. Один из них – "Павлова и Чекетти" – ей подарил Джон Ноймайер, сделав из проходного фрагмента своего "Щелкунчика" маленький спектакль для Ульяны. Она играет его в Москве раз в пять лет примерно. Когда-то, в первый раз, это была молоденькая Павлова, словно заново родившаяся в Петербурге, второй раз приехала Павлова-перфекционистка в блеске славы, а сегодня другая тема у Лопаткиной – зимняя, как бы из "Щелкунчика". Розоватый свет, сиреневая накидка, тени на императорской пачке, загадочный взгляд блоковской Незнакомки. Можно сказать, что неприспособленность зала к балетным программам даже подыграла символистской атмосфере. Кульминацией стали "Бриллианты", в которых Зеленский и Лопаткина не знают равных. Накануне Ульяна выступила с труппой Парижской Оперы в этом спектакле, и поездка добавила французской огранки ее бриллиантовой технике. Стоит отметить, что именно в этом балете, да еще в "Умирающем лебеде", Лопаткина последняя из могикан, кто поддерживает "миф о балерине", истаивающий во всем мире прямо на глазах. Я имею в виду соблюдение балеринской кульминации, когда играет роль каждая мелочь – перья на пачке, поза, гармоничная с любого ракурса, контроль над эмоциями. Так вот Лопаткину это все занимает не как каприз, а как обязательные требования искусства. Думаю, что коллекцию ее балетной одежды (пачек, прежде всего), если таковая вдруг будет собрана когда-то, можно будет рассматривать как коллекцию от кутюр в плане эволюции.

Екатерина БЕЛЯЕВА

Ф.Фурланетто

Viva Verdi!

Мировые звезды в каждом концерте – непременная составляющая спиваковского фестиваля. Однако персонального бенефиса в его рамках до сих пор еще никто не удостаивался. Ферруччо Фурланетто стал первым. И по праву. В сегодняшней мировой оперной иерархии Фурланетто занимает особое место. Не только как один из лучших басов нашего времени, но и как один из последних носителей великой итальянской традиции. В России он отнюдь не впервые: в прошлом году пел в Мариинке Бориса Годунова и Филиппа II на "Звездах белых ночей", а нынешней весной на сцене Московского международного Дома музыки принимал участие в исполнении "Набукко". И вот концерт-бенефис в Большом зале консерватории с Национальным филармоническим оркестром России под управлением самого хозяина фестиваля Владимира Спивакова.

Первое отделение целиком было отдано Моцарту, являющемуся одним из признанных "коньков" итальянского мастера. Будучи по своей природе баритональным басом, голос Фурланетто отлично ложится на большинство моцартовских партий, написанных в промежуточной тесситуре. Разве лишь в открывавшей выступление певца арии Зарастро из "Волшебной флейты", рассчитанной на более низкий тип голоса, он прозвучал не слишком выгодным для себя образом, хотя с точки зрения стиля и фразировки придраться было не к чему. Зато уж в остальных номерах певец чувствовал себя как рыба в воде. Мастер перевоплощений, Фурланетто равно был убедителен и в насмешливой иронии арии Фигаро, и в уязвленной гордости Графа из той же оперы. Жаль, что принцип контрастного противопоставления двух различных персонажей одной оперы не был продолжен и за блистательной "арией со списком" Лепорелло из "Дон Жуана" не последовала какая-нибудь из арий самого заглавного героя – ведь репертуар Фурланетто включает обе эти партии.

Но все же, сколь ни хорош Фурланетто в качестве моцартовского певца, в родном итальянском репертуаре он, безусловно, сильнее. И уж Верди точно никто из басов сегодня лучше его не поет. Настоящий класс, впрочем, певец проявил и в сугубо бельканговой арии Родольфо из "Сомнамбулы" Беллини, но вершиной программы стали именно арии из опер Верди – Захарии из "Набукко", Фиеско из "Симона Бокканегра", Прочиды из "Сицилийской вечерни" и особенно Филиппа из "Дон Карлоса". В последней помимо традиции итальянской явственно проглядывала и традиция шаляпинская. Не только в каждой музыкальной фразе, но даже буквально в каждом звуке слышалась душевная боль кровавого тирана, позволившего себе в ночной тиши и одиночестве хоть немного побыть просто живым, страдающим человеком. При этом, как настоящий большой артист, Фурланетто (певший не вполне здоровым) даже проскальзывавшее порой у него легкое подхрипывание сумел превратить в дополнительное выразительное средство.

На бис прозвучала еще одна вердиевская ария – Банко из "Макбета", а за ней – ария Дона Базилио из "Севильского цирюльника" Россини. И везде Фурланетто был не только певцом, но и актером, как в смысле собственно вокальной выразительности, так и в мимике, жестах. В рамках одной концертной программы выдающийся мастер сумел явить себя и в трагедийной, и в комической ипостасях одновременно, что вообще-то мало кому удается сочетать с равно убедительными результатами.

Национальный филармонический оркестр России под управлением Владимира Спивакова сыграл также в первом отделении две увертюры Моцарта (к "Милосердию Тита" и "Идоменею"), а во втором – столько же Верди (к "Силе судьбы" и "Сицилийской вечерне"). И складывалось ощущение, что перед нами если не два разных оркестра, то уж точно два разных дирижера. Обе моцартовские увертюры прозвучали как-то на удивление тускло и тягуче. (По контрасту вспомнилось, как играл музыку Моцарта Спиваков-скрипач, да и у Спивакова-дирижера с "Виртуозами Москвы" он получался куда как ярче.) Во втором же отделении Спиваков неожиданно раскрылся в качестве настоящего вердиевского дирижера. Здесь были и взрывной темперамент, и абсолютное попадание в нерв вердиевской музыки, ощущение ее духа. Да и взаимопонимания с Фурланетто здесь было заметно больше. Вот бы на следующем фестивале услышать целиком какую-нибудь из не самых известных у нас вердиевских опер – конечно, тоже с участием Фурланетто. Кстати, и НФОР играет Верди лучше, чем какого-либо другого оперного композитора.

Дмитрий МОРОЗОВ
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ

367